

Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. — начало XX в.)

П.Н. Дудин

заведующий кафедрой «Теория и история права и государства. Конституционное право» юридического факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, кандидат политических наук. Адрес: 670018, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

---

Аннотация

В статье дается характеристика монгольского права через призму его взаимодействия с обычным правом монгольских племен догосударственного периода, с традиционными устоями монгольского общества в период империи Чингисхана, а также после включения монгольских земель в состав империи Цин. Основной упор сделан на правовую базу и те акты, которые распространяли свое действие на территорию современной Внутренней Монголии. На основе материалов отечественных и зарубежных исследователей, неизвестных широкому кругу ученых, автор выделяет шесть групп источников монгольского права и дает каждому из них подробную характеристику. Первую группу источников составляют Великая Яса — свод ключевых установлений и наказаний за их нарушения и Бэлиг в качестве свода изречений Чингисхана, посредством которых также осуществлялось правовое регулирование. Вторую группа источников составляли так называемые вспомогательные правовые акты, с помощью которых осуществлялось управление и прочие административно-распорядительные действия, к которым относились указы (чжан) и приказания (чи) Великого хана, ярлыки, дефтеры и пайцзэ. К третьей группе источников относились своды законов периода правления династии Юань (1271–1368) и Северной Юань (1368–1691), а в четвертую включались ойратские уставы (Цааджин-Бичик), а также указы ойратских ханов и писаницы. В пятую группу монгольских источников входили акты Халхи, наиболее значительным среди которых являлось Великое семихошунное уложение, или Халха-Джирум. К шестой группе источников автор относит китайское законодательство для управления Монголией, которое принималось после включения Халхи и Южной Монголии в состав империи Цин. В ходе детального анализа автор методом сравнения сопоставляет как сами правовые источники, так и их отдельные нормы. Он приходит к выводу, что процесс развития монгольского права был отличным от развития права соседних государств, и даже после утраты Монголией государственного суверенитета общественные отношения, возникавшие на территории монгольских земель, регулировались отдельными нормативными правовыми актами.

Ключевые слова

монгольское государство, монгольское право, источники права, Великая Яса, Халха-Джирум 1709 г., Уложения китайской Палаты внешних сношений 1789 и 1815 гг.

Библиографическое описание: Дудин П.Н. Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. — начало XX в.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36.

JEL: K 39; УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.21.36

Взаимодействие китайского и монгольского права началось задолго до Чифэнского (1636) и Долонорского (1691) съездов, однако, начинать уместно именно с генезиса монгольского государства и права, государственных и правовых институтов. Формирование монгольской государственности приходится на начало XIII в., в связи с чем именно с этого времени следует характеризовать и правовую организацию монгольского общества. Издревле сохраняя кочевой уклад жизни, монголы перенесли его и на поле нормативного регулирования. Государственные институты также сохраняли на себе отпечаток кочевой цивилизации.

Государствозподобные образования монгоязычных народов возникают с середины III в. до н.э., при этом они отличаются своеобразием организации, больше похожей на конфедеративный союз племен, нежели на прочное политическое образование и (относительно других государств) недолговечностью существования. Во многом это объясняется отсутствием единой прочной культуры и внутренних связей входящих в их состав племен и народов, вытекающими отсюда внутренними неурядицами, а также и давлением извне таких же новых государств и других политий. По данным В.А. Рязановского¹ за полторы тысячи лет (с III в. до н.э. и до XIII в.) на территории расселения монголов создавались государства хунну (гуннов), сяньбийцев, жуэнь, турок, уйгуров, хагасов, киданей, маньчжуров и, наконец, самих монголов, которые к 1206 г. сумели создать единое государство, на преемство которого претендовали некоторые государственные образования первой половины XX в.

После смерти в 1259 г. великого хана Мункэ началась смута, которая и привела к распаду государства Чингисхана. Хубилай, воевавший с китайской династией Сун, был провозглашен великим ханом, однако не был признан частью родичей. Сохранявшееся до воцарения династии Цин единство было формальным и не подкреплялось никакими институтами. В 1271 г. Хубилай провозгласил правление новой династии Юань, которой к 1279 г. удалось объединить Китай (без Синьцзяна), присоединить к нему территории будущей Внутренней и Внешней Монголии и распространить влияние на территорию современной Сибири и Дальнего Востока.

Сама Монголия в этот период распадается на части, изначально — на западную и восточную, а по прошествии небольшого промежутка времени Восточная Монголия распадается на северную и южную, в результате образуя три области: северную (Халха), южную (Внутренняя Монголия) и западную (Джунгария).

Вместе с образованием единого государства возникает потребность в унифицированном инструменте социального регулирования, которым традиционно выступало право. В связи с этим следует привести те его источники, которые использовало монгольское общество на протяжении 350 лет до включения большей части монгольских земель в состав империи Цин. Две из шести этих групп источников (ойратские акты и акты Халхи) не относятся напрямую к Внутренней Монголии и ее населению, но имеют тесную историческую связь с прочими правовыми памятниками и позволяют комплексно проанализировать генезис монгольского права.

Первую группу источников составляют Великая Яса как свод ключевых установлений и наказаний за их нарушения и Бэлиг. Представляя собой простейшую кодификацию норм обычного права², Яса приобрела роль универсального кодекса, действовавшего

¹ Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин, 1931. С. 8.

² Гурлянд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие. Казань, 1904. С. 14.

го на территории многих государств — преемников империи Чингисхана, в отдельных случаях вплоть до начала XX в.

Яса не выступала кодексом в современном понимании этого слова — она не охватывала многих аспектов общественной жизни и социального быта, а была призвана унифицировать наиболее действенные обычные нормы многочисленных племен³, входивших в состав новообразованного государства. Одновременно с этим не известны случаи, чтобы ее отдельные нормы пресекали действие прочих правовых обычаев и узаконений, не нашедших свое отражение в тексте Великой Ясы. Следовательно, она не претендовала на роль единственного и универсального регулятора всех общественных отношений.

Следует перечислить те группы общественных отношений, которые попали в поле зрения Великой Ясы и подвергались правовому воздействию. К их числу относились: супружеские отношения и измена; лжесвидетельство; товарообмен; обращение с оружием и военная организация; обращение с рабами; налогообложение; вопросы религиозного культа; почтовое сообщение; отдельные наказания за те или иные проступки; запрет кражи и государственной измены; почитание старших, близких и нищих.

Были и неординарные отношения, которые вряд ли бы регулировались в настоящее время, но имели значение для монголов той исторической эпохи. Регулированию подвергалась процедура убоя скота; было запрещено перешагивать через огонь и еду, пить из ладони, стирать одежду, мочиться на пепел и в воду, что влекло за собой смертную казнь.

Яса отличается суровостью наказаний. Из 36 цитируемых фрагментов наказание смертной казнью предполагается в 13 случаях⁴. Помимо смерти предусматривалось битье палками, бичевание, ссылка, тюремное заключение. Предусматривалось как индивидуальное, так и коллективное наказание, имела место семейная ответственность⁵. Нормы частного права регулировали семейные, супружеские отношения, вопросы заключения брака и обязанности детей, некоторые имущественные отношения и вопросы наследования. Административные правовые нормы регулировали вопросы военной организации (которая выстраивалась по родовому принципу), религиозные и налоговые отношения.

После распада Империи непосредственное действие и роль Ясы снижаются — ее вытесняют нормы шариата в тех государствах, правители которых перешли в ислам, а также буддийские нормы, воспринятые в XV–XVI вв. на соседних территориях. На этом этапе Великая Яса играет скорее символическую роль объединяющего (помимо этнического происхождения) начала, подкрепленного авторитетом Чингисхана и народной памятью, идеализировавшей все его деяния. В результате, не используя этот правовой памятник напрямую, монголы инкорпорировали отдельные его нормы в обновляемое законодательство, сохраняя общность принципов, но не преемственность самих правовых норм.

До нашего времени ни один из текстов, оригиналов или списков не дошел. Основной источник знаний о Великой Ясе — ссылки Уложения Монгольской династии Юань (Юань-чао-дэнь-чжан), ярлыки ханов Золотой Орды, немногочисленные летописи и данные исторических исследований, которые также весьма противоречивы. Нередко вы-

³ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 12

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 21.

сказывалось мнение, что Ясы как единого свода законов не существовало. Приводятся весьма убедительные аргументы, сводящиеся к тому, что в этом качестве выступали указы Чингисхана, сохранившиеся только в устной передаче и в весьма искаженном виде⁶.

Бэлиг выступал сводом изречений Чингисхана и равным образом использовался в качестве регулятора общественных отношений. Имея в качестве основы как собственно изречения великого правителя, так и отрывки из Великой Ясы, Бэлиг характеризует собой идеологическую составляющую монгольского права на первоначальном этапе его формирования и развития. Изречения в основном касаются отношений в области государственного управления, военной организации, семейного быта, а также обращали внимание на необходимость соблюдения Ясы и содержали его обеспечительные меры⁷.

Вторая группа источников включает в себя так называемые вспомогательные правовые акты, с помощью которых осуществлялось управление и прочие административно-распорядительные действия. Можно условно разделить их на 4 группы. Во-первых, это были оперативные акты Чингисхана, включающие указы (чжан), которые, в свою очередь, делились на оперативные (для чиновников), нормативные (для населения) и приказания (чи). Чжаны делились на объявления (сюань) и наряды (чай)⁸. Сюань подлежал обнародованию посредством выкрикивания в людных местах или доведения до сведения конкретных лиц, которым они были адресованы. Если же чжан имел характер чая, то его текст заносился на деревянную дощечку, каменную плиту или скалу, писался на свитках или отдельных листах⁹.

Во-вторых, речь идет о ярлыках, которые выступали в качестве основного юридически обязательного предписания, исходящего от хана как главы государства, и делились на нормативные и ненормативные. Ярлыки нормативного характера представляли собой отдельные законы либо указы законодательного характера и обнародовались. Ненормативные ярлыки делились на административные распоряжения и грамоты, а также в качестве таковых могли выступать иные акты нормативного и ненормативного содержания¹⁰. В обоих случаях они сопровождалась ханской печатью и, как правило, были написаны на нескольких языках либо на языке того народа, в отношении которого принимался ярлык. Действительность воли хана и подлинность ярлыка подтверждалась другим вспомогательным актом — пайцзэ.

Пайцзэ представлял собой приказ хана, который подтверждал статус или полномочия, в определенной мере служил фиксацией юридического факта. Помимо подтверждения ханских ярлыков с помощью пайцзэ удостоверялся статус должностных лиц, направляемых с отдельным поручением (например, послы). Также они выступали в качестве охранной грамоты для покорившихся¹¹.

Наконец, в-четвертых, к таким актам относились дефтеры, представлявшие собой акты внутреннего управления и использовавшиеся в административных или финансовых вопросах, например, при сборе дани.

Третью группу источников составляют своды законов династии Юань (1271–1368) и Северной Юань (1368–1691). Р.Ю. Почекаев считает, что вести речь о единой системе

---

⁶ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 11.

⁷ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С. 20.

⁸ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 26.

⁹ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 27.

¹⁰ Гурлянд Я.И. Указ. соч. С. 35–36.

¹¹ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 28.

права эпохи Юань не приходится. Он выделяет два уровня правовых источников этого периода: нормативные акты общеимперского значения, действие которых распространялось на все улусы, признававшие власть великих ханов, и нормативные акты и своды, созданные непосредственно для регулирования правоотношений между китайскими подданными¹².

Что касается кодификации законов, то в это время принимаются три ключевых сборника законов: Уложение династии Юань (Юань-чао-дянь-чжан, 1320 г.), Общие узаконения великой династии Юань (Да-юань-тун-чжи, 1323 г.) и Новые уставы правления Чжи-юань (Чжи-юань-синь-гэ, 1321–1322 г.).

Профессор В.А. Рязановский со ссылкой на авторитетных ученых того времени говорит, что, во-первых, начиная с эпохи Тан (середина VII в.) каждая династия издавала кодекс, который, однако, воспроизводил в основном кодекс предшествующей династии. В совокупности они являлись серией непрерываемых постановлений, составляющих постоянное общее основание, оставшееся почти нетронутым к моменту падения династии Цин¹³. Во-вторых, при сопоставлении Юань-чао-дянь-чжан с Да-Цин-Луй-Ли (сводом законов династии Цин) и оглавление, и общее содержание кодексов совпадают¹⁴, что свидетельствует о слабом влиянии монгольского права на право подчиненного Китая либо об отсутствии такого влияния вовсе.

Уложение состояло из 373 статей и структурно делилось на 6 основных и 4 дополнительных раздела. Нормы основных разделов регулировали общественные отношения, подконтрольные профильным министерствам и включавшие вопросы государственного управления, финансов, налогов, оборота земель, семьи и брака, церемониала, военного дела, преступлений и отправления правосудия, казенных организаций и общественных работ. Нормы дополнительных разделов включали манифесты и указы юаньских императоров, правительственные распоряжения и контрольно-ревизионную организацию¹⁵.

В 1323 г. был издан унифицированный кодекс, известный под названием «Общие узаконения великой династии Юань», который регулировал общественные отношения уже на территории всей империи. При монгольской династии было издано еще два кодифицированных акта: в 1332 г. опубликован новый свод законов Цзиньши да-дянь («Великие установления по управлению миром»), а в 1346 г. составлен еще один свод законов — Чжи-чжэн тун-чжи («Законы эры Чжи-чжэн»)¹⁶. Во Внутренней Монголии и ее хошунов эти акты были основными вплоть до ее включения в состав империи Цин и момента, когда цинские императоры стали принимать отдельное законодательство для всей Монголии.

Интерес вызывает Уложение Алтан-хана, правителя Тумэта, который хоть и не был великим ханом, однако имел заметный статус в системе монгольского управления. Оригинал текста до настоящего времени не сохранился, однако существует предположение¹⁷, что он составлялся на нескольких языках, что было обычной практикой монгольских правителей той эпохи.

¹² Почекаев Р.Ю. Право империи Юань: дуализм источников и проблема «национальной принадлежности» // Общество и государство в Китае. 2014. Т. XLIV. № 1. С. 104–123.

¹³ Escarra J. Chinese Law and Comparative Jurisprudence. P.: La Librairie Française, 1926. P. 16.

¹⁴ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Почекаев Р.Ю. Указ. соч. С. 114.

¹⁷ Почекаев Р.Ю. Уложение Алтан-Хана — монгольский правовой памятник второй половины XVI века // Правоведение. 2011. № 1. С. 119–139.

Уложение представляет собой свод уголовных правил и состоит из преамбулы, в которой содержится идеологическая подоплека принятия данного акта, а также из 11 разделов, каждый из которых посвящен отдельной группе общественных отношений и мер ответственности. Убийство карается в соответствии с монгольскими обычаями и, как правило, не предполагает умерщвления виновного. Разделы, посвященные тяжким телесным повреждениям, кражам, связанные с трупами и заразными болезнями, с посягательством на некоторые виды животных, а также с участием посланцев, чиновников и беглецов, также ограничивают меры воздействия имущественной ответственностью — пятерками и девятками скота. Проступки в области брачно-семейных отношений наказываются штрафами и лишь в одном случае — поркой. Уголовные преступления в сфере отношений между хозяевами и слугами наказываются штрафами, однако, если слуга убивает человека, то следует лишить его всех средств к существованию, а если он украдет, то следует убить его без пощады, при этом неисполнение данного предписания означает нарушение закона¹⁸.

Знает Уложение и поощрительные нормы: в двух разделах («О спасении стад от бедствий» и «О помощи людям») речь идет о том, чтобы лица, совершающие надлежащие поступки, поощрялись скотом (лошадью, овцой, волом и т.д.).

Четвертую группу источников составляют ойратские уставы (Цааджин-Бичик), которые представляли собой сборники законов¹⁹ и распространяли свое действие преимущественно на западные окраины традиционного расселения монголоязычных народов Внутренней Азии — современные Казахстан, Киргизию, Западный Китай и Монголию, а также указы ойратских ханов и писаницы.

Специалисты, занимающиеся монгольским правом, указывают на существование двух монголо-ойратских уставов: древнего и нового. О древнем Цааджин-Бичик (конец XIV–XV вв.) сведений немного. В оригинале устав не сохранился, данные о нем отрывочны и неполны. Наиболее существенные сведения содержатся в издании 1776 г., опубликованном П. Палласом под названием «Законы монгольских народов»²⁰ (наиболее детальный анализ устава предложен Ф.И. Леонтовичем²¹). Не вдаваясь в анализ текста и степени его оригинальности, согласимся с Федором Ивановичем, что устав зафиксировал политический компромисс, достигнутый при объединении четырех ойратских племен, равно как это произошло спустя два с половиной века спустя, когда объединение союза четырех ойратских и сорока монгольских племен породило правовой компромисс — новый Цааджин-Бичик (1640).

Устав регулировал межличностные отношения (он содержит нормы, запрещающие прелюбодеяние, оскорбление); положение женщин и сыновей. Восемь фрагментов, приведенных Гурляндом, Леонтовичем и Рязановским, практически идентичны со своему содержанию и свидетельствуют о том, что устав не является ни отрывком из Великой Ясы, ни ее продолжением, а выступает самостоятельным актом кодификации обычного права²². Однако С. Дылыков, опираясь на Б. Владимирцова, считает, что это был не свод обычного права, а полноценный законодательный акт²³.

¹⁸ См.: Там же.

¹⁹ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 19.

²⁰ Дылыков С.Д. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981. С. 78.

²¹ Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879.

²² Рязановский В.А. Указ. соч. С. 38.

²³ Дылыков С.Д. Указ. соч.

Время создания второго монголо-ойратского устава относится к 1640 г. и происходит на фоне консолидации монгольских племен Халхи, Джунгарии, Цинхая, Сибири и Поволжья перед лицом маньчжурской угрозы. Состоявшийся в это время в Джунгарии съезд князей закрепил создание союза в виде своеобразной федерации княжеств²⁴ и утвердил новый Цааджин-Бичик. Рязановский отдельно отмечает, что этот устав не являлся кодексом всех монгольских племен и не распространял свое действие на Внутреннюю Монголию²⁵, однако охватывал значительную часть некогда великой империи и таким образом по своему охвату находился после Великой Ясы.

В основе нового устава — те же отношения, что регулировались старым. Не имея возможности регулирования всех даже наиболее существенных общественных отношений, он затрагивает лишь некоторые из них, отдавая остальные на откуп обычному праву. Имеющиеся тексты устава под редакцией П. Палласа, Ф. Леонтовича и К. Голстунского²⁶ между собой не совпадают, в связи с чем В. Рязановский предлагал опираться на текст последнего²⁷, поскольку достоверно известно, что в своей работе Константин Федорович непосредственно опирался на оригинальные монгольские и калмыцкие тексты. По своему содержанию текст устава неоднороден и затрагивает вопросы межплеменных отношений, обороны и защиты, положения духовенства и религии, вещного, обязательственного и наследственного права, скотоводства и охоты, почтового сообщения, повинностей, семьи, положения женщин, подробно квалифицирует преступления и затрагивает организацию суда.

В промежутке между этими двумя уставами принимались другие ойратские законы, составляющие третий вид ойратских источников права. Монгольскому ученому Х. Пэрлээ удалось отыскать и реконструировать тексты 18 законов и уложений, принятых на съездах монгольских князей и датированных 1603, 1604, 1611, 1613, 1614 (четыре уложения), 1616 (три уложения), 1617, 1620 и 1639 гг., в том числе четырех уложений, относящихся ко второй половине XVI и началу XVII в.²⁸ Эти документы опубликованы под названием «Вновь открытый памятник халха-монгольского права»²⁹.

По аналогии с указами Чингисхана главы ойратов также издавали нормативные указания. Так, Паллас³⁰, Голстунский, Леонтович, а вслед за ними Рязановский упоминают о дополнительных указах 1670–80-х гг. к уставу 1640 г., которыми регулировались отдельные вопросы помощи неимущим, воровства, населения хошунов и аймаков; часть первого указа и весь второй указ посвящены организации суда³¹.

Еще один вид ойратских законов представлял собой отдельные законодательные акты, изданные в виде ярлыков и в форме утесных писаниц, которые располагались на открытом и доступном для обзора месте, высекаемые в камне либо прорисованные кра-

²⁴ Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964. С. 176.

²⁵ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 39.

²⁶ Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

²⁷ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 42.

²⁸ Дылыков С.Д. Указ. соч.

²⁹ Пэрлээ Х. Халхын шинэ олдсон цааз — эрхэмжийн дурсгалт бичиг (Вновь открытый памятник халха-монгольского права). Кн. 1. Улан-Батор, 1973. С. 1–139.

³⁰ Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Bd 1. Saint Petersburg, 1776. P. 194–218.

³¹ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 44.

ской³², и имели характер как прямого предписания (указания) хана, так и прочих актов, например, мирных договоров.

Пятую группу монгольских источников представляли законы северной части Монголии, известной под названием «Халха». Наиболее значительным памятником права Халхи является Великое семихошунное уложение или Халха-Джирум. Рязановский указывает³³, что предшественником Халха-Джирум мог быть более древний свод законов, однако известий о нем не сохранилось.

Сам свод законов до настоящего времени в оригинале не сохранился, имел распространение на территории всей Северной (Внешней) Монголии, состоял из 8 частей, принятых с 1709 по 1718 гг.; добавления к нему делались вплоть до 1796 г. Части сборника упорядочены слабо и включают самые разнообразные нормы, касающиеся вопросов от привилегий богдо-гэгэна до кражи, от поездок хана до убийства, от вопросов наследования до принятия ворованного скота и т.д. Отличительная от того же ойратского устава 1640 г. особенность Халха-Джирум, таким образом, прослеживается четко: это регулирование организации жизни и быта северных монголов³⁴. Еще одной отличительной чертой является то, что этот источник права действовал вплоть до 1925 г. в шабинском ведомстве Богдо-Хана³⁵. Дылыков обращает внимание, что основным законом в сборнике «Халха Джирум» является уложение 1709 г., изданное уже после признания Халхой в 1691 г. сюзеренитета маньчжурского богдохана и после опубликования императором Канси в 1696 г. «Монгольского уложения»³⁶.

Наконец, шестую группу источников составляет китайское законодательство для Монголии, которое принималось после включения Халхи и Южной Монголии в состав империи Цин.

Съезд 1636 г. передал титул богдо-хана главе Маньчжурского государства Абахая, а в 1691 г. Долонорский съезд князей Халхи сделал тот же жест в отношении императора Канси. Цинские власти оставили у монголов правовую организацию и подкрепляли ее собственными уложениями, принятие которых совпадало с событиями в маньчжурско-монгольских отношениях.

Уложение императора Канси 1696 г. было принято после включения в состав империи Цин Халхи на фоне необходимости единого правового регулирования всех находящихся к тому времени под властью маньчжуров монгольских земель. Уложение представляет собой свод законов и законодательных постановлений периода 1629–1695 гг., которые регулировали общественные отношения, складывающиеся во Внутренней Монголии, и имеет 152 статьи, выстроенные в хронологическом порядке³⁷. Основой данного свода явились существовавшие ранее монгольские законы и обычаи. Уложение послужило основой следующего нормативного правового акта — Уложения китайской Палаты внешних сношений 1789 г. — и по содержанию в основе своей совпадало с ним. Принятие нового крупного нормативного правового акта было вызвано, с одной стороны, завоеванием Джунгарии и включением ее территории в состав империи Цин, с другой стороны — необходимостью переработки отдельных норм и их обновления.

³² Там же. С. 67.

³³ Там же. С. 70.

³⁴ Там же. С. 80.

³⁵ *Жамцарано Ц.Ж., Дылыков С.Д.* Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII века. М., 1965.

³⁶ Там же.

³⁷ *Рязановский В.А.* Указ. соч. С. 84.

Уложение 1789 г. делится на 12 разделов и включает 210 статей. Первый раздел содержал 24 статьи (вопросы достоинства); второй — 23 статьи (положения о ревизии и обязанностях); третий — 8 статей и одну подстатью (о приезде ко двору и уплате дани); четвертый — 13 статей (организационные вопросы сеймов и отправления на войну); пятый — 17 статей (нормы о межах и караулах); шестой — 35 статей (о хищении чужого имущества); седьмой — 10 статей (об убийстве); восьмой — в пяти статьях содержал нормы о жалобах; девятый — 20 статей (регламентировал поимку беглых); десятый — 18 статей (посвящен прочим преступлениям); одиннадцатый — в шести статьях содержал религиозные нормы. Двенадцатый раздел насчитывал 29 статей, посвященных разрешению следственных дел³⁸. Таким образом, в отличие от Уложения императора Канси 1696 г., новый акт имел более четкую структуру и предполагал предметное регулирование большинства вопросов. Вопросы военной организации, сбора податей и повинностей и ряд других отношений подвергались детальной регламентации, в то же время вопросы вещного и обязательственного права не нашли в Уложении отражения и регулировались нормами обычного права. Нормы семейного и наследственного права воспроизводили основные монгольские обычаи. В отличие от этого на уголовное право существенным образом оказало влияние китайское уголовное законодательство, более жесткое и не всегда отвечавшее быту монголов и укладу их жизни. Вводился институт понижения наказания на одну степень (исключительно китайская правовая норма), смертная казнь утверждалась императором через Палату уголовных дел.

При этом в отношении монголов, совершивших преступление на территории Китая (не империи Цин³⁹), действовали нормы китайского права, а в отношении китайцев, совершивших преступление на территории Монголии, — монгольского.

Китайское право, равно как и общественные отношения, развивались динамичнее, чем монгольские, поэтому Уложение 1789 г., основанное на Уложении 1696 г. и древних монгольских законах и обычаях, в скором времени ощутило потребность в преобразовании. Представители Палаты внешних сношений апеллировали к наличию таких преступлений монголов, которые не содержались в Уложении, в связи с чем просили внести дополнения посредством обобщения судебной практики и иных административных документов. Была создана специальная комиссия и установлен трехлетний срок ее работы, однако, по завершении этого процесса проект изменений и дополнений не был утвержден, а комиссия поставила себе задачу — составить новое Уложение, отвечающее и требованиям времени, и внутренней политике цинской администрации, и выполнила ее.

В отличие от двух описанных выше сводов законов для Монголии новое Уложение китайской Палаты внешних сношений 1815 г. не было переработанным воспроизведением предыдущего — это был новый нормативный правовой акт с обновленной структурой и содержанием. Переиздаваемое в 1826 и 1832 гг., Уложение дополнялось и подвергалось изменениям в соответствии с необходимостью.

Уложение было составлено на маньчжурском, китайском и монгольском языках, включало 526 пронумерованных статей и не делилось на разделы, а состояло из 67 тетрадей, содержание которых регулировало отдельные сферы общественных отношений. Для удобства С. Липовцев⁴⁰ при переводе маньчжурского текста разделил его на статьи, отделы и главы и получил Введение и 6 частей. Введение включало 6 глав и 56 статей, в

³⁸ Там же. С. 85.

³⁹ Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток (Oriens). 2014. № 1. С. 5–17.

⁴⁰ Уложение китайской палаты внешних сношений / Пер. С. Липовцева. СПб., 1828.

нем содержались данные о Палате внешних сношений; первая часть содержала 21 главу и 494 статьи (посвящена административному устройству и управлению Монголией); вторая — 6 глав и 88 статей (обозначалась как «Устав Воинский»); третья — 20 глав и 191 статьи (нормы уголовного права); четвертая — 11 глав и 117 статей (вопросы религиозных отношений); пятая — 13 глав и 66 статей (постановления о Тибете); шестая — 6 глав и 28 статей (отношения с Россией).

Несмотря на сохраняемую строгость норм, Уложение предусматривает гарантии монголам, которые воспрещали китайцам переходить границу и распахать монгольские поля, а монголам воспрещалось сдавать пастбища под пашню. Воспрещались передвижение без разрешения вышестоящих инстанций и межнациональные браки. Основные институты права сохраняются и уточняются в соответствии с политикой цинской администрации. Равно как и в предыдущем Уложении, новый свод законов практически не содержит норм частного права. И если во отношениях между монголами эти вопросы регулировались обычаями, то при установлении отношений между монголами и китайцами возникали значительные трудности. Следовательно, при включении Монголии в состав империи Цин внутренняя жизнь, быт и обустройство отдавались на откуп монголам, маньчжурскими законами регулировались публичные отношения как представлявшие больший интерес и большую необходимость.

В дополнение к Уложению китайской Палаты внешних сношений 1815 г. следует упомянуть о таком источнике как «Улаан хацарт» — собрании судебных решений монгольского правительства за 1820–1913 гг., которое исследовали, правда, весьма поверхностно, монгольские авторы⁴¹.

Таким образом, вплоть до Синьхайской революции 1911 г. общественные отношения жителей Внешней и Внутренней Монголии регулировались специальными нормативными правовыми актами — уложениями китайской Палаты внешних сношений. При этом ни Дацин хуэйдянь, ни Дацин люйли ни распространяли своего действия на монгольские земли и монгольский народ. После смены формы правления новое руководство страны взяло курс на обновление, в том числе правовой системы и законодательства. Учитывая, что и Внутренняя Монголия, и Монголия Внешняя рассматривались республиканскими властями как составные части единого государства, предполагалось, что и право в этих частях должно быть единым.

С середины XIX в. китайское право начинает процесс рецепции японского и европейского континентального (преимущественно — французского, немецкого, бельгийского, голландского и швейцарского) права. Традиционные правовые институты и конструкции постепенно уступают место романо-германской системе, которая преобразила отрасли и публичного, и частного права.

Действовавшая в Китае этого периода правовая система именовалась системой «Шести законов», названная так в силу доминирующего положения и приоритетности таких отраслей права, как конституционное, гражданское, гражданское процессуальное, уголовное, уголовно-процессуальное и административное (включая административный процесс). К этому следует добавить, что имелась схожесть значительного массива правового материала с правовой системой Японии того периода, где также доминировали шесть правовых отраслей. Однако в Японии ведущее место было за коммерческим, а не за административным правом. Это нашло свое отражение в правовой системе Мэнцзя-

⁴¹ См.: *Нацагдорж Ш.* Улаан хацарт. УБ., 1961.; *Жамцарано Ц., Турунов А.* Обзорение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 6. Иркутск, 1920. С. 2–3.

на, которая под воздействием японской стороны претерпела существенные изменения в данном направлении.

Исторически выделение этой группы отраслей китайского права связано с законодательной реформой, которая была проведена на исходе эпохи Цин на рубеже XIX–XX вв. В Китае с 1901 г. была осуществлена крупномасштабная реформа законодательства, многие нормативные правовые акты были полностью обновлены. Уже к 1907 г. была проделана грандиозная работа по переводу действующего японского законодательства, охватившая более 3000 нормативных правовых актов на уровне законов, постановлений высших органов государственной власти и др. Помимо упомянутых отраслей, внимание китайских юристов и переводчиков привлекли акты, касавшиеся регулирования государственного управления, финансовой сферы, правоохранительной деятельности, здравоохранения, уголовно-исполнительной системы и т.д. (всего 16 томов). Однако дальнейшему развитию права в этом направлении помешала Синьхайская революция.

Статья 5 Временной Конституции Китайской Республики (1912) гласила, что народ Республики пользуется одинаковыми правами независимо от расы, класса и религии. Учитывая, что согласно ст. 3 той же Конституции оговаривалась территориальная структура Китая, которую составляли 22 провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай, можно утверждать, что жители Внешней и Внутренней Монголии были включены в состав народа Китайской Республики со всем объемом прав и обязанностей. Данный вывод напрашивается в связи с тем, что в правовом положении китайских провинций и Внешней и Внутренней Монголии, Тибета и Цинхая не было различий: так, ст. 18 Конституции гласила, что «от каждой провинции, Внутренней Монголии, Внешней Монголии и Тибета избирается по пять членов Национального собрания, Цинхай избирает одного члена».

Стоит отметить, что значительную роль во внедрении правовых норм и институтов Европы и Японии сыграла правотворческая практика и практика применения европейской правовой доктрины Верховным судом Китайской Республики, который пытался адаптировать законодательство цинского Китая к современным правовым и политическим реалиям. Когда судебные решения носили принципиальный или резонансный характер, Верховный суд объяснял необходимость их принятия существенными проблемами в законодательстве и невозможностью регулирования данных общественных отношений с помощью норм обычного права.

Среди первых базовых нормативных правовых актов было Уголовное уложение 1912 г. Оно претерпело ряд серьезных изменений, связанных как с отказом от многих правовых институтов цинского Китая, так и с возвращением их в текст закона. Уголовное уложение 1912 г. (с 1928 г. — Уголовный кодекс Китайской Республики) пережило многие перипетии политической борьбы и было отменено лишь с приходом к власти коммунистов. Кодекс отличался точностью и четкостью норм и дефиниций и характеризовался как один из прогрессивных нормативных правовых актов того времени.

Отрасли частного права были не так мобильны в новых условиях и в этом плане продолжали сохранять правовую традицию, заложенную Дацин люйли. Принятия единого закона в сфере гражданско-правовых отношений не последовало до конца 1920-х гг. Вместе с тем был утвержден ряд важных нормативных правовых актов, имевших форму уставов и регулировавших общественные отношения в горнодобывающей (Горнопромышленный устав 1914 г.) и лесной промышленности (Лесной устав 1915 г.)

Проект Гражданского кодекса Китайской Республики был готов к концу 1925 г. Однако его принятие затянулось до 1929–1930 гг., когда была окончательно утверждена

основная часть его норм. Он вступил в силу в мае 1931 г. Кодекс был ориентирован на аналогичные акты Японии и Германии, однако уступал им по объему (охвату) и регулированию общественных отношений, по разнообразию правовых институтов и выглядел более упрощенным, в ряде случаев он содержал прямые отсылки к нормам обычного права, которые могли противоречить закону. Несмотря на падение династии Цин, республиканский Китай не стал пренебрегать правовым наследием, а продолжал его развивать, дополнять и совершенствовать. Учитывался и международный опыт: Уголовный кодекс Китайской Республики 1935 г. и последовавший за ним Гражданский кодекс соответствовали международному уровню и восприняли главные теоретические и практические достижения юридической науки.

В дальнейшем были разработаны и вступили в силу законы и положения, регулирующие земельные и трудовые отношения, торговую и предпринимательскую (в том числе биржевую и банковскую, страховую и патентную), нотариальную и медиативную (в первую очередь в области трудовых отношений) деятельность, отношения в области банкротства, товарных знаков и ценных бумаг.

Правовую конструкцию, аналогичную Конституции 1912 г., использовала Конституция Китайской Республики 1923 г., где в ст. 2 верховная власть Китайской Республики вверялась всему народу в целом. Статья 3 определяла территориальную структуру Китайского государства как состоящего из всех стран, принадлежащих Китаю, без их поименного упоминания. Это объяснялось тем, что и сам Китай, и его провинции уже не представляли собой единого государства, а Монголия, которая с 1911 г. де-факто была самостоятельной, тем не менее юридически оставалась в составе Китая, в связи с чем формально на ее территории продолжало действовать китайское законодательство.

Очередной этап развития китайского права связан с приходом к власти Гоминьдана, когда на вооружение было взято не только японское, но и европейское право. Перевод и рецепция французских Гражданского, Гражданско-процессуального, Уголовного, Уголовно-процессуального и Трудового кодексов в совокупности с Конституцией в соответствии с китайской правовой традицией получили название вторых «Шести законов», которые, в свою очередь, были переведены на японский язык и в Стране восходящего солнца вдохнули новую жизнь в ее законодательство.

В дополнение к традиционным «Шести законам» (где административное право вошло в гражданско-правовой блок, а коммерческое право было выделено в отдельную отрасль) получило развитие международное право. Нормы административного права были дополнены блоком норм, регулирующих подзаконную деятельность такого органа государственной власти, как президент Китайской Республики.

8 октября 1928 г., после завершения формального объединения страны к июлю 1928 г. под фактической властью Чан Кайши, в новой столице Китая — Нанкине был принят «Органический закон об организации Национального правительства». Вслед за этим в марте 1929 г. на III съезде Гоминьдана было сформулировано положение, что все население Китая составляет единую нацию, состоящую из отдельных «ветвей» (ханьцы, манчжуры, монголы, тибетцы, хуэйцзу), единых по «расе и крови» и отличающихся лишь по религии и географическому положению.

5 мая 1931 г. начало работу Национальное собрание, принявшее новую «Временную Конституцию Китайской Республики периода политической опеки», которая вступала в действие 1 июня 1931 г. Китай был разделен на 28 провинций. В группу территорий с особым статусом (дифан) были выделены Монголия и Тибет, в которых реальная власть давно принадлежала местным правительственным учреждениям и которые лишь но-

минально оставались в составе Китая. Временная Конституция провозглашала, что Китай всегда будет единой страной (ст. 3), но вместе с тем предусматривала возможность «особого статуса» Монголии и Тибета: «Территория Китайской республики состоит из различных провинций, из Монголии и Тибета (ст. 1), управление в тех местах, которые еще не стали провинциями (т.е. Монголия и Тибет) будет определено законом». В это же время на территории Внутренней Монголии создаются новые 6 провинций, однако и эта административная реформа была во многом формальностью: земли на территории Внутренней Монголии оставались в руках монгольских князей, и на них спустя несколько лет было образовано автономное государство Мэнцзян.

15 июня 1931 г. был выработан «Органический закон», который представлял собой высший закон государства, хотя и касался в основном управленческой сферы и распределения полномочий между органами государственной власти. 5 мая 1936 г. был опубликован проект постоянной Конституции Китая, который предполагалось утвердить в ноябре 1937 г. на заседании Национального собрания. Начавшиеся 7 июля 1937 г. активные военные действия со стороны Японии помешали его принятию.

Поскольку сам Китай в рассматриваемый период не имел политического единства, а Монголия приняла собственную Конституцию и не признавала легитимности китайского управления, подвергать детальному анализу указанные выше конституционные акты Китайской республики нет необходимости.

Таким образом, правовая система Китая в первой трети XX в. находилась в стадии интенсивного развития и рецепции европейского и японского права, что шло на пользу стране. Это непосредственным образом отражалось и на составных частях Китайской Республики — Внутренней Монголии и, формально, Внешней Монголии. Однако имелись объективные сложности в данном процессе, вызванные разницей культур и восприятия правовых механизмов, разным пониманием роли и значения права и закона, а также механическим копированием европейских правовых норм без учета национальных и культурных особенностей восточного общества и государства.

Помимо трудностей адаптации европейских и японских норм и институтов имелись и другие препятствия, в частности, фактическая раздробленность Китая, в отдельных провинциях которого местные правительства принимали собственное законодательство. Кроме того, провозгласившая независимость Китайская Советская Республика и оккупированные японцами северо-восточные территории также формировали собственную правовую базу и не подпадали под юрисдикцию гоминьдановского законодательства.

Изучая право и правовую систему Китая времен японской оккупации, нельзя не упомянуть о современном отношении КНР к этому процессу, которое выражается в позиции «Налайчжуи» и дословно означает «чуждые», «навязанные» идеи в праве. Толчком послужила статья Лу Синя, опубликованная в «Чайна Таймс» и «Чайна Дейли Ньюз» с целью противостоять тотальной вестернизации и отрицанию культурной традиции Китая, в том числе и правовой⁴². И сегодня отношение к правовым системам оккупированных японцами территорий Северо-Восточного Китая остается однозначно и безапелляционно негативным.

⁴² Сун Цунъе. Характеристика правовой системы псевдорепублики в Мэнцзяне / Факультет политики и права Педагогического университета Баотоу // Иньшан: академический журнал (социальные науки). 2010. № 23 (5) (宋从越, 伪蒙疆政权立法的特点, 包头师范学院, 政治与法律学院, 内蒙古, 包头, 阴山学刊 (社会科学版), 2010年05期23 (5)).

Библиография

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Издательство АН СССР, 1934. 236 с.

Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1880. 160 с.

Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по 17-ое столетие. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1904. 112 с.

Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток (Oriens). 2014. № 1. С. 5–17.

Дылыков С.Д. Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М.: Восточная литература, 1981. 148 с.

Жамцарано Ц.Ж., Дылыков С.Д. Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII века. М.: Главная редакция восточной литературы, 1965. 340 с.

Жамцарано Ц., Турунов А. Обзорение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 6. Иркутск, 1920. 13 с.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964. 482 с.

Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 290 с.

Почекаев Р.Ю. Право империи Юань: дуализм источников и проблема «национальной принадлежности» // Общество и государство в Китае. 2014. Т. XLIV. № 1. С. 104–123.

Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типогр. Н. Е. Чинарева, 1931. 348 с.

Уложение китайской палаты внешних сношений / Пер. С. Липовцева. СПб., 1828. 241 с.

Escarra J. Chinese Law and Comparative Jurisprudence. P.: La Librairie Française Publ., 1926. 91 p.

Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten ueber die mongolischen Voelkerschaft. Bd 1. Sankt Peterburg, 1776. 232 p.

Сун Цунъюэ. Характеристика правовой системы псевдорегима в Мэнцзяне / Факультет политики и права Педагогического университета Баотоу // Иньшан: академический журнал (социальные науки). 2010. № 23 (5) (宋从越, 伪蒙疆政权立法的特点, 包头师范学院, 政治与法律学院, 内蒙古, 包头, 阴山学刊 (社会科学版), 2010年05期23 (5)).

Genesis of Mongolian Law and Its Interaction with Chinese Law (13th – early 20th Centuries)

Pavel N. Dudin

Head, Department, «Theory and History of Law. Constitutional Law», Law Faculty, East Siberia State University of Technology and Management, Candidate of Political Sciences. Address: 40 B Kliychevskaya Str., Ulan-Ude, 670018, Russian Federation. E-mail: dudin2pavel@gmail.ru.

Abstract

The paper features Mongolian law in context of its interaction with common law of Mongolian tribes of pre-state period, traditions of Mongolian society under Genghis Khan rule, and as part of the Qing dynasty. The main aspect of the research is the legal basis and acts enforced on the modern territory of Inner Mongolia. On the basis of the materials of Russian and foreign researchers unknown to a wide academic community, the author identifies six groups of sources of Mongolian Law and provides detailed characteristics of each. The first group of sources incorporates Yassa as a source of rules

and punishments for violating them. The second group of sources represents the so called secondary legal acts enabling to perform administration and other administrative actions including decrees (tchzan) and orders (tchi) of the Great Khan, labels, defters and pajtsze. The third group of sources comprises the laws of the the Yuan dynasty (1271–1368) and North Yuan (1368–1691); the fourth included Oirat charters (Tsaadzhin-bichik), decrees of Oiratean khans and petroglyphs. The fifth group of the Mongolian sources included Khalha acts in particular the great semikhoshunn law and Khalkha Jirum. Group six of the sources involves Chinese Law for Mongolia approved after Khalkha and South Mongolia were included in the Qing dynasty. On the basis of detailed analysis and comparison, the author matches the sources and their separate norms, which forms a conclusion that the process of the development of Mongolian law differed from the one of neighbor states and even after the loss of sovereignty, public relations on the territory of Mongolian lands were ruled by special normative acts.

Keywords

Mongolian State, Mongolian Law, sources of law, Yassa, Khalkha Jirum of 1709, Laws of Chinese Foreign Relations of 1789 and 1815.

Citation: Dudin P.N. (2016) The Genesis of Mongolian Law and its Interaction with Chinese Law (13th — early 20th Centuries). *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 1, pp. 21–36 (in Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2016.1.21.36

References

- Dmitriev S.V., Kuz'min S.L. (2014) Imperiya Tsin kak Kitay: anatomiya istoricheskogo mifa [Qing Dynasty and China: Anatomy of Historical Myth]. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 5–17.
- Dylykov S.D. (1981) *Ikhh Tsaaz («Velikoe ulozhenie»)*. *Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII veka* [Ikhh Tsaaz (Great Law) Monument of Mongolian Feudal Law of 17th century]. Moscow: Vostochnaya literatura, 148 p. (in Russian)
- Escarra J. (1926) *Chinese Law and Comparative Jurisprudence*. R.: La Librairie Française Publications, 91 p.
- Golstunskiy K.F. (1880) *Mongolo-oyratskie zakony 1640 goda. Dopolnitel'nye ukazy Galdan-khun-taydzhiya i zakony, sostavlennyye dlya volzhskikh kalmykov pri kalmytskom khane Donduk-Dashi* [Mongolian Oirat Laws of 1640. Additional Decrees of Galdan-khun-taydzhiya and the Decrees made for Volgian Kalmyks under Khan Donduk-Dashi]. Saint Petersburg: Imperatorskaya Akademia Nauk, 160 p. (in Russian)
- Gurlyand Ya.I. (1904) *Stepnoe zakonodatel'stvo s drevneyshikh vremen po 17-oe stoletie. Kazan'* [Steppe Law from Ancient Times to 17th century]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 112 p. (in Russian)
- Leontovich F.I. (1879) *K istorii prava russkikh inorodtsev. Drevniy mongolo-kalmytskiy ili oyratskiy ustav vzyskaniy (Tsaadzhin-Bichik)* [On the History of Law of Russian Foreigners. Ancient Mongolian and Kalmyk or Oirat Law of Punishments (Tsaadzhin-bichik)]. Odessa: Ul'rikh, 290 p. (in Russian)
- Lipovtsev S. (ed.) (1828) *Ulozhenie kitayskoy palaty vneshnikh snosheniy* [Law of Chinese Chamber of Foreign Relations]. Saint Petersburg, 241 p. (in Russian)
- Pallas P.S. (1776) *Sammlungen historischer Nachrichten uber die mongolischen Voelkerschaft*. Bd 1. Saint Petersburg, 232 p.
- Pochekaev R. Yu. (2014) Pravo imperii Yuan': dualizm istochnikov i problema «natsional'noy prinadlezhnosti» [Law of Yuan Dynasty: Duality of sources and Problem of National Identity] *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. T. XLIV, no 1, pp. 104–123 (in Russian)
- Ryazanovskiy V.A. (1931) *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe)*. *Istoricheskiy ocherk* [Mongolian Law (Primarily Common) Historical Essay]. Kharbin: Chinarev, 348 p. (in Russian)
- Sun Tsun'e. (2010) *Kharakteristika pravovoy sistemy psevdorezhima v Mentszyane. Fakul'tet politiki i prava Pedagogicheskogo universiteta Baotou*. In: *shan: akademicheskiy zhurnal (sotsial'nye nauki)*, no 23 (5) (宋从越, 伪蒙疆政权立法的特点, 包头师范学院, 政治与法律学院, 内蒙古, 包头, 阴山学刊 (社会科学版), 2010年05期23 (5)).
- Vladimirtsov B. Ya. (1934) *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm* [Social System of Mongols]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 236 p. (in Russian)

Zhamtsarano Ts.Zh., Dylykov S.D. (1965) *Khalkha Dzhirum. Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVIII veka* [Khalkha Jirum. Monument of Mongolian Feudal Law of 18th century]. Moscow: Akademia Nauk SSSR, 340 p. (in Russian)

Zhamtsarano Ts., Turunov A. (1920) Obozrenie pamyatnikov pisanogo prava mongol'skikh plemen [Review of the Monuments of Written Law of Mongolian Tribes]. *Sbornik trudov Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta* [Collection of Papers of Irkutsk State University]. Issue 6. Irkutsk, 13 p.

Zlatkin I.Ya. (1964) *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758)* [History of Dzungar Khanate (1635–1758)]. Moscow: Nauka, 482 p. (in Russian)